

Дождь прекратился быстрее, чем ожидалось. Когда я складывала зонт, капли воды с его спиц заструились по моим пальцам и упали на серый камень мостовой, оставляя маленькие влажные пятна. Он прижимал к груди свой альбом для набросков — наполовину распустившийся лотос на обложке слегка отсырел, но бумага внутри не пострадала. Позже я узнала, что он специально выбирал водостойкие скетчбуки, чтобы запечатлевать дождливые пейзажи Западного озера.

— За следующим поворотом уже будет то место. В той кофейне готовят несладкий латте, как раз чтобы взбодриться.

Он шел слева от меня, замедляя шаг, и иногда останавливался, чтобы посмотреть на лужи у дороги, в которых отражалось прояснившееся небо, похожее на осколки голубого стекла. Я шла рядом и вдруг заметила, что при ходьбе он слегка покачивает плечами, словно следуя какому-то ритму. Вспомнилось, как он говорил, что любит рисовать под джаз — наверное, привычка попадать в такт перенеслась и на его походку.

Кофейня оказалась небольшой, и при входе над дверью звякнул колокольчик. Хозяин, мужчина средних лет в очках, увидев его, приветливо улыбнулся:

— Шэнь, ты сегодня припозднился. Я уж думал, тебя застало врасплох у озера.

Он улыбнулся в ответ, кивнул и, повернувшись ко мне, кивнул в сторону витрины:

— У хозяина здесь еще и тирамису отличный. Не хочешь попробовать?

Мы выбрали столик у окна, откуда был виден кусочек Западного озера. На ветках ив еще дрожали капли, срываясь вниз при каждом порыве ветра. Он раскрыл альбом на столе и осторожно перелистнул страницу. Там были сплошь зарисовки озера: мост Дуаньцяо в ясный день, пагода Лэйфэн на закате. Но больше всего было именно дождей. В углу каждого рисунка стояла дата, и самая свежая — сегодняшняя.

— Кажется, ты очень любишь Западное озеро, — я взяла чашку с принесенным латте, кончиками пальцев ощущая приятное тепло. — Столько всего нарисовал.

Он как раз выводил карандашом что-то на пустой странице. Услышав меня, он поднял взгляд и улыбнулся:

— В детстве я приезжал сюда с дедушкой. Тогда мне казалось, что озеро такое огромное, что его невозможно обойти до конца. А когда поступил в Академию искусств, понял, как близко она отсюда, и стал приходить сюда постоянно.

Он замолчал на мгновение, а потом развернул альбом ко мне. На бумаге была запечатлена сцена, произошедшая только что под дождем: фигура под зонтом стояла под ивой, наклонив

зонт так, чтобы укрыть человека рядом.

— Не успел дорисовать у озера, вот, закончил, — пояснил он.

Я смотрела на эти силуэты, и вдруг почувствовала, как уши заливают жаром. Поспешно сделала глоток латте, чтобы скрыть смущение:

— Ты так быстро рисуешь! Я даже не заметила, когда ты начал.

Он положил карандаш на скетчбук и слегка постучал пальцами по бумаге:

— Когда видишь что-то по-настоящему интересное, хочется поскорее это запечатлеть.

Он посмотрел мне прямо в глаза, и во взгляде промелькнула серьезность:

— Например, как ты бежала ко мне под зонтом. Капли дождя на твоих волосах были похожи на рассыпанную сахарную пудру.

Я чуть не поперхнулась латте. Пока я закашлялась, он протянул мне салфетку. Уголки его губ подрагивали, сдерживая улыбку, но он не произнес ни слова. Солнечный свет за окном пробивался сквозь стекло, падая на альбом и согревая эти дождливые пейзажи. Тогда я еще не знала, что эта встреча, начавшаяся с дождя, подарит мне множество последующих выходных, пропитанных ароматом Западного озера. Я с такой нежностью вспоминаю те чувства; каждый раз, проходя мимо, я думаю о том дне. Мы по-прежнему приходили сюда вдвоем, никогда не разлучаясь, и наше первое свидание было таким прекрасным — я чувствовала, что мы ничем не отличаемся от других влюбленных. Мне было так хорошо тогда, и каждый раз, когда я возвращаюсь к этим воспоминаниям, на душе становится легко и светло.

<http://bllate.org/book/21838/2263482>